

Артист Щукин (Павел Суслов) с некоторой опаской подходил к первому политическому месту в спектакле — приход Павла Суслова с известием о низвержении самодержавия.

Фраза «никакого нет царя» была встречена длительными аплодисментами зрительного зала. По окончании аплодисментов эмигрантская часть публики стала шикать, что вызвало новый взрыв аплодисментов.

В дальнейшем весь спектакль до конца шел под непрерывные аплодисменты политического характера и свистки. Особенное напряжение в зрительном зале вызвала картина выборов в Учредительное Собрание.

Зал резко разделился на 2 половины. Одни шумно аплодировали репликам: «баба и та в счет пошла», «клады за 5-й, за большевиков», другие радовались каждому слову, осуждающему большевиков, и хлопали даже такой реплике, как «ваше благородие».

Являлись опасения, что придется дать занавес среди действия, в такой мере политические страсти, бушевавшие в зале, мешали ходу действия.

После III акта театру от различных организаций были поднесены цветы, причем одна большая корзина красных роз вызвала даже целую бурю в зрительном зале.

В конце спектакля сидевшие в зале белогвардейцы пытались аплодировать появлению на сцене казаков в финале пьесы. Но сорвать спектакль им все-таки не удалось. Он закончился при дружной поддержке подавляющего большинства зрительного зала.

Большая часть эмигрантской публики примкнула к поклонникам спектакля и дружно апло-

дировала вместе с ними, чем вызвала ожесточенные нападки со стороны реакционно-махровых представителей эмиграции, разразившихся на другой день громовой статьей в манархическом «Возрождении» — «ГПУ в Одессе», полной гнусными выпадами против советской власти. Но даже эта газетка не могла не признать художественных достоинств спектакля.

ТРИУМФ СОВЕТСКОГО ТЕАТРА

Театру был устроен целый ряд официальных приемов и банкетов — советским полпредством, Обществом Международного Театра, Обществом «Новая Россия» и др. В советском полпредстве состоялась встреча вахтанговцев с представителями левого французского театра, с группой «Авангард», с французскими журналистами и деятелями искусств. Театром был получен ряд пьес молодых французских авторов. В ответ на это театр им. Вахтангова организовал бесплатные спектакли для французских артистов и деятелей искусства и для Общества «Новая Россия», которое приветствовало театр как вестников молодого искусства из далекой и родной Советской России.

Особенно нужно отметить исключительное отношение к театру со стороны Фирмена Жемье, который, несмотря на ряд нападков со стороны реакционных кругов, продолжал мужественно осуществлять свою линию по проведению международного театрального движения. На последнем спектакле «Турандот» Жемье публично благодарил московское правительство «за возможность показать французскому зрителю столь замечательный театр».

В. К.

ПОХОД „ИСТИННО-ФРАНЦУЗОВ“

Исключительный успех наших двух театров — имени Вахтангова и Еврейского Государственного — в Париже вызвал бешенство «истинно-французов». Их вострелщиком оказался самый «истинный» из них — драматург Анри Вернштейн.

Но все тяжелые орудия его арсенала были направлены против нашего друга Фирмена Жемье, как известно, совсем недавно посетившего СССР. На банкете в честь т. Грановского Жемье позволил себе «неслыханную дерзость» — он заявил, что во Франции нет в настоящее время ни подлинного театра, ни подлинной драматургии. Мало того — им совершенно двойное преступление — он не только оскорбил «отечественный» театр, но восхвалял чужих — и кого? — советский театр.

Вернштейн и другой драматург, Вернейль, спустили на Жемье всех собак своего патриотизма и национализма. Нет того скверного слова, которым изобваив Фирмен Жемье. Он «нечистый субъект», он «ничтожество», он «человек, лишенный чувства чести», он — «антипатриот». Более того, — они объявили его... подкупленным агентом, состоящим на жаловании министерств иностранных дел СССР, Германии — вообще тех, кого он хвалит. В подтверждение — Вернштейн приводит даже «свидетеля» — газетку «Ами дю Пепль» пресловутого миллионера — черносотенца Франсуа Коти.

И в полном соответствии с усвоенным им методом пасквильанта Вернштейн «спрашивает» на страницах газеты «Комедия»:

«В чьих же интересах трудится сей неблагодарный карьерист, эксплуатирующий доверие правительства, поддерживаемый политическими друзьями или соумышленниками, — в чьих интересах совершал он поступки, наносящие вред нашей стране?»

«Доколе, говорит далее Вернштейн, становясь в позу Цицерона: — доколе будет этот господин средних дарований гулять безнаказанно? Доколе это будет терпимо?»

Мы ошиблись бы, однако, думая, что общественное мнение Франции, что вся театральная Франция удержала зарвавшегося драматурга, секрет бешенства которого в том, что Жемье в приписываемой ему речи в числе прочего весьма критически отозвался о творчестве Вернштейна. Макс Морей, председатель ассоциации французских театральных директоров, заявил, что ассоциация отказывается от участия во Всемирном театре Жемье. Этому пути следуют и другие. Кампания ведется развернутым фронтом.

Нелегко быть «там» другом истинны — когда эта истина воется «советское искусство» и врагом лжи, когда имя ей — «национальное достоинство»

Ил. Э.